

Максим Горький

Мальва

Максим Горький

Мальва

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172734
На дне. Избранное : Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-07922-X*

Аннотация

«Море – смеялось.

Под легким дуновением знойного ветра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослепительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок. В глубоком пространстве между морем и небом носился веселый плеск волн, взбегавших одна за другою на пологий берег песчаной косы. Этот звук и блеск солнца, тысячекратно отраженного рябью моря, гармонично сливались в непрерывное движение, полное живой радости. Солнце было счастливо тем, что светило; море – тем, что отражало его ликующий свет...»

Максим Горький

Мальва

Море – смеялось.

Под легким дуновением знойного ветра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослепительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок. В глубоком пространстве между морем и небом носился веселый плеск волн, взбегавших одна за другою на пологий берег песчаной косы. Этот звук и блеск солнца, тысячекратно отраженного рябью моря, гармонично сливались в непрерывное движение, полное живой радости. Солнце было счастливо тем, что светило; море – тем, что отражало его ликующий свет.

Ветер ласково гладил атласную грудь моря; солнце грело ее своими горячими лучами, и море, дремотно вздыхая под нежной силой этих ласк, насыщало жаркий воздух соленым ароматом испарений. Зеленоватые волны, взбегая на желтый песок, сбрасывали на него белую пену, она с тихим звуком таяла на горячем песке, увлажняя его.

Узкая, длинная коса походила на огромную башню, упавшую с берега в море. Вонзаясь острым шпилем в безграничную пустыню играющей солнцем воды, она теряла свое основание вдали, где знойная мгла скрывала землю. Оттуда, с ветром, прилетал тяжелый запах, непонятный и оскорби-

тельный здесь, среди чистого моря, под голубым, ясным кровом неба.

В песок косы, усеянный рыбьей чешуей, были воткнуты деревянные колья, на них висели невода, бросая от себя паутину теней. Несколько больших лодок и одна маленькая стояли в ряд на песке, волны, взбегая на берег, точно манили их к себе. Багры, весла, корзины и бочки беспорядочно валялись на косе, среди них возвышался шалаш, собранный из прутьев ивы, лубков и рогож. Перед входом в него на суковатой палке торчали, подошвами в небо, валяные сапоги. И над всем этим хаосом возвышался длинный шест с красной тряпкой на конце, трепетавшей от ветра.

В тени одной из лодок лежал Василий Легостев, караульщик на косе, передовом poste рыбных промыслов Гребенщикова. Лежал он на груди и, поддерживая голову ладонями рук, пристально смотрел в даль моря, к едва видной полоске берега. Там, на воде, мелькала маленькая черная точка, и Василию было приятно видеть, как она всё увеличивается, приближаясь к нему.

Прищуривая глаза от яркой игры солнечных лучей на волнах, он довольно улыбался: это едет Мальва. Она придет, захочет, грудь ее станет соблазнительно колыхаться, обнимет его мягкими руками, расцелует и звонко, вспугивая чаек, заговорит о новостях там, на берегу. Они с ней сварят хорошую уху, выпьют водки, поваляются на песке, разговаривая и любовно балуясь, потом, когда стемнеет, вски-

пятят чайник чая, напьются со вкусными баранками и лягут спать... Так бывает каждое воскресенье, каждый праздник на неделе. Рано утром он повезет ее на берег по сонному еще морю, в предрассветном свежем сумраке. Она, дремля, будет сидеть на корме, а он грести и смотреть на нее. Смешная она бывает в то время, смешная и милая, как сытая кошка. Может быть, она соскользнет с лавочки на дно лодки и уснет там, свернувшись в клубок. Она часто делает так...

В этот день даже чайки истомлены зноем. Они сидят рядами на песке, раскрыв клювы и опустив крылья, или же лениво качаются на волнах без криков, без обычного хищного оживления.

Василию показалось, что в лодке не одна Мальва. Неужели опять Сережка привязался к ней? Василий тяжело повернулся на песке, сел и, прикрыв глаза ладонью, с тревогой в сердце стал рассматривать, кто еще там едет. Мальва сидит на корме и правит. Гребец – не Сережка, гребет он неумело, с Сережкой Мальва не стала бы править.

– Эй! – нетерпеливо крикнул Василий.

Чайки на песке дрогнули и насторожились.

– Эй-эй... – донесся с лодки звонкий голос Мальвы.

– С кем ты?

В ответ донесся смех.

– Чертовка! – негромко выругался Василий и сплюнул.

Ему очень хотелось знать, кто это едет там; свертывая папиросу, он упорно смотрел в затылок и спину гребца. Звуч-

ный плеск воды под ударами весел раздается в воздухе, песок скрипит под босыми ногами караульщика.

– Это кто с тобой? – крикнул он, когда различил незнакомую ему улыбку на красивом лице Мальвы.

– А вот погоди, узнаешь! – со смехом отозвалась она.

Гребец обернулся лицом к берегу и, тоже смеясь, взглянул на Василия.

Караульщик нахмурил брови, вспоминая, – кто этот как будто знакомый ему парень?

– Ударь сильнее! – скомандовала Мальва.

Лодка с размаха почти до половины всползла на песок вместе с волной и, покачнувшись набок, стала, а волна скатилась назад, в море. Гребец выскочил на берег и сказал:

– Здравствуй, отец!

– Яков! – подавленно воскликнул Василий, более изумленный, чем обрадованный.

Они обнялись и поцеловались по три раза в губы и щеки; на лице Василия удивление смешалось с радостью и смущением.

– То-то я смотрю... и что-то тово – оно, – сердце зудит... Ах, ты – как это ты? На-ко! А я смотрю – Сережка? Нет, вижу, не Сережка! Ан – это ты!

Василий одной рукой гладил бороду, а другой махал в воздухе. Ему хотелось взглянуть на Мальву, но в его лицо уставились улыбающиеся глаза сына, и ему было неловко от их блеска. Чувство довольства собой за то, что у него такой здо-

ровый, красивый сын, боролось в нем с чувством смущения от присутствия любовницы. Он переступал с ноги на ногу, стоя перед Яковом, и один за другим кидал ему вопросы, не дожидаясь ответа на них. В голове у него всё как-то спуталось, и особенно нехорошо стало ему, когда раздались насмешливые слова Мальвы:

– Да ты не юли уж... с радости-то! Веди его в шалаш да угощай...

Он обернулся к ней. На губах ее играла усмешка, незнакомая ему, и вся она – круглая, мягкая и свежая, как всегда, в то же время была какая-то новая, чужая. Она переводила свои зеленоватые глаза с отца на сына и грызла арбузные семечки белыми мелкими зубами. Яков тоже с улыбкой рассматривал их, и несколько неприятных Василию секунд все трое молчали.

– Я сейчас! – вдруг заторопился Василий, двигаясь к шалашу. – Вы уходите от солнца-то, а я наберу воды пойду... уху будем варить! Я тебя, Яков, та-акой ухой накормлю! Вы тут тово... располагайтесь, я сию минуту...

Он схватил с земли у шалаша котелок, быстро пошел куда-то в невода и скрылся в серой массе их складок.

Мальва и его сын тоже пошли к шалашу.

– Ну вот, молодец хороший, я доставила тебя к отцу, – говорила Мальва, искоса оглядывая коренастую фигуру Якова.

Он повернул к ней свое лицо в кудрявой темно-русой бородке и, блеснув глазами, сказал:

– Да, приехали... А хорошо тут, – море-то какое!

– Широкое море. Ну, что же, – сильно постарел отец?

– Нет, ничего. Я думал – он седее, а у него еще мало седины-то... И крепкий...

– Сколько, говоришь, время вы не видались?

– Годов пять, чай... Как уходил он из деревни – мне в ту пору семнадцатый шел...

Они вошли в шалаш, где было душно, а от рогож пахло соленой рыбой, и сели там: Яков – на толстый обрубок дерева, Мальва – на кучу кулей. Между ними стояла перерезанная поперек бочка, дно ее служило столом. Усевшись, они молча, пристально посмотрели друг на друга.

– Стало быть, здесь работать хочешь? – спросила Мальва.

– Да вот... не знаю я... Коли найдется что – буду.

– У нас найдется! – уверенно пообещала Мальва, ошупывая его своими зелеными, загадочно прищуренными глазами.

Он не смотрел на нее, вытирая рукавом рубахи потное лицо.

Вдруг она засмеялась.

– Мать-то, чай, отцу наказы да поклоны с тобой прислала?

Яков взглянул на нее, нахмурился и кратко сказал:

– Известно... А что?

– Ничего!

Смех ее не нравился Якову, – он точно поддразнивал его. Парень отвернулся от этой женщины и вспомнил наказы ма-

тери.

Проводив его за околицу деревни, она оперлась на плетень и быстро говорила, часто моргая сухими глазами:

– Скажи ты ему, Яша... Христа ради, скажи ты ему... Отец, мол!.. Мать-то одна, мол, там... пять годов прошло, а она всё одна! Стареет, мол!.. скажи ты ему, Яковушка, ради господа. Скоро старухой мать-то будет... одна всё, одна! В работе всё. Христа ради, скажи ты ему...

И она безмолвно заплакала, спрятав лицо в передник.

Тогда Якову не было жалко ее, а теперь стало жалко... Взглянув на Мальву, он сурово повел бровями.

– Ну, вот и я! – воскликнул Василий, являясь в шалаш с рыбой в одной руке и ножом – в другой.

Он уже справился со своим смущением, глубоко скрыв его внутри себя, и теперь смотрел на них спокойно, только в движениях его явилась несвойственная ему суетливость.

– Вот сейчас запалю я костер... и приду к вам... поговорим! Ах, Яков, а?

И он опять ушел из шалаша.

Мальва, не переставая грызть семечки, бесцеремонно разглядывала Якова, а он старался не смотреть на нее, хотя ему этого очень хотелось.

Потом, так как молчание стесняло его, он сказал вслух:

– А котомку-то я в лодке оставил, – пойти взять!

Неторопливо поднявшись с места, он вышел, на смену ему в шалаш явился Василий и, наклонясь к Мальве, заговорил

торопливо и сердито:

– Ну, на что ты-то приехала с ним? Что я про тебя скажу ему? Кто ты мне?

– Приехала, да и всё! – коротко сказала Мальва.

– Эх, ты... несообразная баба! Как я теперь буду? Как прямо ему в глаза и тово... сразу?.. У меня жена дома-то! Мать ему... Должна ты была это сообразить!

– Очень нужно мне соображать! Боюсь я его, что ли? Али тебя? – спросила она, пренебрежительно щуря свои зеленые глаза. – А как ты давеча завертелся перед ним! То-то смешно мне было!

– Смешно тебе! А я как буду?

– А ты думал бы об этом раньше!

– Да я знал, что ли, что его так вот вдруг выбросит сюда из моря-то?

Скрипел песок под ногами Якова, и они оборвали свой разговор. Яков принес легонькую котомку, бросил ее в угол и искоса, недобрыми глазами, взглянул на женщину.

Она с увлечением щелкала семечки, а Василий присел на обрубок, потер руками колени и с улыбкой заговорил:

– Так вот ты, значит, и явился... как это ты надумал?

– Да так... Писали мы тебе...

– Когда? Я никакого письма не получал!..

– Ну? А мы писали...

– Потерялось, видно, письмо-то, – огорчился Василий. – Ишь ты, черт его возьми... а? Когда нужно – оно и потеря-

лось...

– Стало быть, ты не знаешь наших-то делов? – спросил Яков, недоверчиво взглянув на отца.

– Да откуда? Не получал я письма!

Тогда Яков рассказал ему, что лошадь у них пала, хлеб весь они съели еще в начале февраля; заработков не было. Сена тоже не хватило, корова чуть с голоду не сдохла. Пробились кое-как до апреля, а потом решили так: ехать Якову после пахоты к отцу, на заработки, месяца на три. Об этом они написали ему, а потом продали трех овец, купили хлеба да сена, и вот Яков приехал.

– Вот оно что! – воскликнул Василий. – Та-ак... А... как же вы... денег я вам посылал...

– Велики ли деньги? Избу чинили... Марью замуж выдали... Плуг я купил... Ведь пять годов... время-то прошло!

– Да-а! Не хватило, значит? Такое дело... А уха-то у меня сбежит! – Он встал и вышел вон.

Присев на корточки перед костром, над которым висел закипавший котелок, сбрасывая пену в огонь, Василий задумался. Всё, что рассказал ему сын, не особенно сильно тронуло его, но породило в нем неприятное чувство к жене и Якову. Сколько он им за пять лет денег переслал, а они все-таки не справились с хозяйством. Если бы не Мальва, он сказал бы Якову кое-что. Самовольно, без отцова разрешения из деревни ушел – хватило ума на это, – а с хозяйством справиться не мог! Хозяйство, о котором Василий, живя до сего

дня жизнью приятной и легкой, вспоминал очень редко, теперь вдруг напомнило ему о себе, как о бездонной яме, куда он пять лет бросал деньги, как о чем-то лишнем в его жизни, не нужном ему. Он вздохнул, мешая ложкой уху.

В блеске солнца маленький желтоватый огонь костра был жалок, бледен. Голубые, прозрачные струйки дыма тянулись от костра к морю, навстречу брызгам волн. Василий следил за ними и думал о том, что теперь ему хуже будет жить, не так свободно. Наверное, Яков уже догадался, кто эта Мальва...

А она сидела в шалаше, смущая парня задорными, вызывающими глазами, в которых, не исчезая, играла улыбка.

– Чай, поди-ка, невесту в деревне-то оставил? – вдруг сказала она, заглядывая в лицо Якова.

– Может, и оставил, – неохотно ответил тот.

– Красивая, что ли? – небрежно спросила она.

Яков промолчал.

– Что молчишь?.. Лучше меня али нет?

Он посмотрел ей в лицо, не желая этого. Щеки у нее были смуглые, полные, губы сочные, – полураскрытые задорной улыбкой, они вздрагивали. Розовая ситцевая кофта как-то особенно ловко сидела на ней, обрисовывая круглые плечи и высокую, упругую грудь. Но не нравились ему ее лукаво прищуренные, зеленые, смеющиеся глаза.

– Зачем ты так говоришь? – вздохнув, сказал он просящим голосом, хотя желал говорить с ней строго.

– А как надо говорить? – засмеялась она.

– И смеешься тоже... чему?

– Над тобой смеюсь...

– Ну, что я тебе? – обиженно спросил он и снова опустил глаза под ее взглядом.

Она не ответила.

Яков догадывался о том, кто она отцу, и это мешало ему свободно говорить с ней. Догадка не поражала его: он слышал, что на отхожих промыслах люди сильно балуются, и понимал, что такому здоровому человеку, как его отец, без женщины трудно было бы прожить столько времени. Но все-таки неловко и перед ней, и перед отцом. Потом он вспомнил свою мать – женщину истомленную, ворчливую, работавшую там, в деревне, не покладая рук...

– Готова ушица! – объявил Василий, являясь в шалаш. – Достань-ка ложки, Мальва!

Яков взглянул на отца и подумал:

«Видно, часто она у него бывает, коли знает, где ложки лежат!»

Взяв ложки, она сказала, что надо пойти помыть их и что в корме лодки у нее есть водка.

Отец и сын посмотрели вслед ей и, оставшись один на один, помолчали.

– Ты с ней как встретился? – спросил Василий.

– А я спрашивал про тебя в конторе, и она была там... И говорит: «Чем, говорит, идти пешком по песку, поедем в лодке, я тоже к нему». Вот и приехали.

– Да-а... А я, бывало, думаю: «Каков-то теперь Яков?»»

Сын добродушно усмехнулся в лицо отца, и эта усмешка придала Василию храбрости.

– А... ничего бабенка-то?

– Ничего, – неопределенно сказал Яков, моргнув глазами.

– Никакого лешего не поделаешь, брат ты мой! – воскликнул Василий, взмахивая руками. – Терпел я сначала – не могу! Привычка... Я женатый человек. Опять же и одежду она починит и другое прочее... И вообще... эхма! От женщины, как от смерти, никуда не уйдешь! – искренно закончил он свое объяснение.

– Мне что? – сказал Яков. – Это – твое дело, я тебе не судья.

А про себя думал:

«Станет тебе такая штаны чинить...»

– Опять же мне всего сорок пять лет... Расхода на нее немного, не жена она мне... – говорил Василий.

– Конечно, – соглашался Яков и думал: «А всё, чай, треплет карман-то!»»

Пришла Мальва с бутылкой водки и связкой кренделей в руках; сели есть уху. Ели молча, кости обсасывали громко и выплевывали их изо рта на песок к двери. Яков ел много и жадно; это, должно быть, нравилось Мальве: она ласково улыбалась, глядя, как отдуваются его загорелые щеки, быстро двигаются влажные крупные губы. Василий ел плохо, но старался показать, что он очень занят едой, – это нужно было

ему для того, чтоб без помехи, незаметно для сына и Мальвы, обдумать свое отношение к ним.

Ласковую музыку волн перебивали хищные крики чаек. Зной становился менее жгучим, уже иногда в шалаш залетала прохладная струя воздуха, пропитанного запахом моря.

После вкусной ухи и водки глаза Якова осовели. Он начал глуповато улыбаться, икать, позевывать и смотрел на Мальву так, что Василий нашел нужным сказать ему:

– Ты приляг тут, Яшутка, пока до чаю... а там мы тебя разбудим.

– Это можно-о... – согласился Яков, сваливаясь на кули. – А... вы куда? Ха-ха!

Василий, смущенный его смехом, торопливо вышел, а Мальва поджала губы, сдвинула брови и ответила Якову:

– А куда мы пойдем – это не твое дело! Ты что? Ты еще нашему богу – бя! Вот ты что, паренек!..

– Я? Ладно! – воскликнул Яков вслед ей. – Па-аагоди... Я тебе покажу! Ишь ты какая...

Он поворчал еще немного и заснул с пьяной, сытой улыбкой на раскрасневшемся лице.

Василий воткнул в песок три багра, соединил их верхние концы, набросил на них рогожу и, так устроив тень, лег в ней, закинув руки за голову, глядя на небо. Когда Мальва опустилась на песок рядом с ним, он повернул к ней свое лицо, и на нем она увидела обиду и недовольство.

– Что – мало рад сыну-то? – спросила она, засмеявшись.

– Вон он... смеется надо мной... из-за тебя!.. – угрюмо сказал Василий.

– Ну? Из-за меня? – лукаво удивилась она.

– А как же?

– Ах ты, жалкенький! Что же теперь? Не ходить к тебе, что ли? а? Ну – не буду!..

– Ишь ты, ведьма какая! – укорил ее Василий. – Эх вы, люди! Он смеется, ты тоже... а вы мне самые близкие! За что же смеетесь? Черти! – Он отвернулся от нее и замолчал.

Мальва, обняв руками колени, тихонько покачивала корпусом, рассматривая зелеными глазами сверкающее, веселое море, и улыбалась одною из тех торжествующих улыбок, которых так много у женщины, понимающей силу своей красоты.

Парусное судно скользило по воде, как большая, неуклюжая птица с серыми крыльями. Оно было далеко от берега и шло еще дальше, туда, где море и небо сливались в синюю бесконечность.

– Что молчишь? – спросил Василий.

– Думаю, – сказала Мальва.

– Про что это?

– Так, – повела она бровями и, помолчав, добавила: – Сын у тебя – молодец парень...

– А тебе что? – ревниво воскликнул Василий.

– Мало ли что...

– Ты смотри! – окинул он ее суровым взглядом, полным

подозрения. – Ты не дури! Я хотя и смирный, но ты меня не дразни, – да!

Он стиснул зубы и сжал кулаки, продолжая:

– Ты сегодня сразу, как приехала, играть начала что-то... Я еще не понимаю этого... ну, смотри, пойму, неладно тебе будет! И улыбочки у тебя этакие... и всё такое... Я тоже с вашей сестрой умею обращаться...

– А ты меня, Вася, не пугай... – равнодушно и не глядя на него попросила она.

– То-то! не шути же...

– А ты уж не стражай...

– Я и взбучку дам, коли баловать начнешь... – грозил Василий, озлобляясь.

– Бить станешь? – обернулась она к нему, с любопытством глядя в его взволнованное лицо.

– А что ты за графиня? И вздую...

– Да я тебе что – жена, что ли? – вразумительно и спокойно спросила Мальва и, не дожидаясь ответа, продолжала: – Привыкши бить жену ни за что ни про что, ты и со мной так же думаешь? Ну, нет. Я сама себе барыня, и никого не боюсь. А ты вон – сына боишься: давеча как заюлил перед ним – стыд! А еще грозишь мне!

Она презрительно качнула головой и замолчала. Ее холодные, пренебрежительные слова подавили озлобление Василия. Никогда еще он не видал ее такой красивой.

– Разошлась, раскаркалась... – молвил он, и злясь и лю-

буясь ею.

– И еще скажу тебе вот что. Ты Сережке бахвалился, что я без тебя, как без хлеба, жить не могу! Напрасно ты это... Может, я не тебя люблю и не к тебе хожу, а люблю я только место это... – Она широко повела рукой вокруг себя. – Может, мне то нравится, что здесь пусто – море да небо и никаких подлых людей нет. А что ты тут – это всё равно мне... Это вроде платы за место... Сережка был бы – к нему бы я ходила, сын твой будет – к нему пойду... А еще лучше, кабы вас вовсе никого не было... обрыдли вы мне!.. Если я с моей красотой захочу – я всегда себе мужика, какого мне нужно, выберу...

– Вот ка-а-к?! – свирепо зашипел Василий и вдруг схватил ее за горло. – Так вот что-о?

Он встряхивал ее, но она не отбивалась, хотя лицо ее краснело и глаза наливались кровью. Она просто положила обе свои руки на его руку, давившую ей горло, и упорно смотрела ему в лицо.

– Так в тебе вон что есть? – хрипел Василий, всё свирепея. – А – молчала, шкура... а – обнимала... а – ласки мне... Я ж тебе дам!

Он пригнул ее к земле и с наслаждением ударил по шее раз, два – тяжелыми ударами крепко стиснутого кулака. Приятно было ему, когда кулак с размаха падал на ее упругую шею.

– На... Что, змея?.. – с торжеством спросил он ее и от-

швырнул от себя.

Она, не охнув, молчаливая и спокойная, упала на спину, растрепанная, красная и все-таки красивая. Ее зеленые глаза смотрели на него из-под ресниц с холодной ненавистью. Но он, отдуваясь от возбуждения и приятно удовлетворенный исходом злобы, не видал ее взгляда, а когда с торжеством взглянул на нее – она улыбалась. Дрогнули ее полные губы, вспыхнули глаза, на щеках явились ямки. Василий изумленно посмотрел на нее.

– Что ты, – черт! – грубо дернув ее за руку, крикнул он.

– Васька!.. Это ты бил меня? – полушёпотом спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.